

Сергей Банцер
Теорема о неполноте

Повесть

Сергей Банцер

Теорема о неполноте

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14342937

ISBN 9785447436292

Аннотация

Счастье нельзя получить даром. Только через страдания... И именно поэтому оказалось, что счастьем нельзя поделиться, а его можно только выстрадать. Два вселенского начала – Воля Упрощающая и Воля Созидающая, эти две верных подруги не ходят одна без другой. Но какая из них правит мирозданием? Эти вопросы встали перед пожилым человеком, находящимся в конце своего жизненного пути, после того, как он случайно познакомился в интернете со странной сущностью по имени Nathalie.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	30
Глава 5	41
Глава 6	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Теорема о неполноте

Повесть

Сергей Банцер

Какими бы сложными и необычными не казались теоремы Гёделя о неполноте, они выражают простой факт – нельзя взглянуть на Мир, в котором мы живем, не выходя за его пределы
Прудников В. Н., профессор МГУ,
«Научные основания моделей мироздания»

*Понятно всем, дающим себе труд
поразмьшлять*
Гай Кассий

© Сергей Банцер, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Может быть, это странное строение аэропорт? Или большой храм? Но, кажется, таких аэропортов не бывает. Да и храмов тоже. А почему он тогда подумал, что это аэропорт? Наверное, из-за этого огромного табло...

В теряющихся во мраке стропилах, где уже ничего не видно, а только клубится какой-то серый туман, ярко светится это табло. На нём время от времени вспыхивают и медленно гаснут буквы незнакомого ему алфавита. Откуда-то он

знал, что от этих символов зависит очень многое. И что эта минута – самая важная в его жизни. Такая важная, что вся прошедшая жизнь не стоит одной этой минуты. Он смотрел на табло и ждал.

Глава 1

Варламов вытер ладони о промасленный комбинезон и включил кофеварку. Затем взял лежащий в углу гаража раскладной стул и, присев у раскрытых настежь ворот, подставил морщинистое лицо апрельскому солнцу.

Какой сегодня выдался денёк! Вот такими весенними деньками и считает он с некоторых пор свои годы. Какой-то храповичок входит в зацепление и щёлк, колесо его жизни проворачивается ещё на один зубчик. Правда, последнее время проворачивается всё труднее. И какие-то подзрительные скрипы... Совсем как в двигателе его старой шестёрки, стоящей в гараже. Ездит на ней Варламов только в межгаражном пространстве, бензин совсем дорогой стал. А ведь когда-то с Иркой весь Крым объездили. Щёлкает храповичок, переворачиваются странички. Где-то там, на предыдущих страницах и Крым остался...

Варламов взял пластмассовую чашку с дымящимся кофе, и, развернув газету, стал читать объявления.

«Одинокий пенсионер, 66 лет, дед, 175 см, 75 кг. Для совместного завершения Пути, познакомится с одинокой пенсионеркой. (Увы, без интима). В Ирпене домик, газ, вода, велосипед».

Вот так. Для совместного завершения Пути. С большой буквы дед написал. Правильно... Только разные у всех эти

Пути. И завершать его тоже все будут по-разному. Один – неспешно прогуливаясь по асфальтовой парковой дорожке, усыпанной опавшими листьями. Другой – спотыкаясь по рытвинам и ямам, а третий ползком по болотной жиже.

Интересно, а почему так по-разному? Кто-то свернул в своё время не туда? Прозевал свою точку невозврата? Или просто это жестокие стрелки на рельсах судьбы выбросили кого на парковую дорожку, а кого в гнилую жижу? Но почему тогда так часто для одних с детства стрелки намертво стоят в направлении дорожки в тихом осеннем парке, а для других в вонючую топь?

Хто ж его знает... Одни говорят – карма, другие грехи, третьи наоборот, экзамен для избранных, четвёртые – надо каяться и не есть в определённые дни мяса, пятые – творить добрые дела и произносить особые тексты. Интересно, а додумались где-то, что нужно просто жить по совести? Это вряд ли... Слишком просто. Много книг тут не напишешь. Просто, по совести, по нравственному закону, который Бог дал каждому человеку в начале его Пути. И мудрствовать тогда не нужно, вот он, закон, внутри, с рождения. Бери, пользуйся.

Но Демиург, по мере возможностей, кажется, пытается что-то ещё побалансировать в своём хозяйстве. Поэтому аутсайдер, доплетаясь кое-как до конца своего Пути, лишь спокойно говорит: «Я устал, Господи. Очень устал. Конечно, воля твоя, но, не пора ли уже опускать занавес?» А везунчик,

который с детства бежал лёгкой трусцой по тартановой дорожке, вдруг просыпается среди ночи в своём загородном особняке, орошив холодным потом хрустящие батистовые простыни. Стуча зубами от ужаса, везунчик садится на кровати и вдруг осознаёт, что скоро выйдет его срок, и придётся ему исчезнуть из этого мира. Ах, как это будет несправедливо. Ведь всё так хорошо складывалось...

А ведь Варламов постарше этого деда будет. И ему Путь завершать надо. А с кем? Ирка-то тоже на предыдущих страницах осталась.

Один...

Интересно, а может человек заметить наступление маразма? Ну, не чьего-то там, а своего собственного? Наука говорит, что вряд ли. Причём наука самая авторитетная – математика. До того авторитетная, что некоторые её и за науку не считают. По крайней мере, нобеля математикам не дают. Старый Курт Гёдель, пока сам не впал в маразм и не стал брать в библиотеке Принстонского университета книги только по холодильным агрегатам, подозревая, что эти агрегаты вредны для его здоровья, доказал теорему о неполноте, которая увековечила его имя. Одна из научно-популярных формулировок этой теоремы гласит, что невозможно полно описать систему, находясь внутри этой системы. Только высунувшись наружу и взглянув оттуда. Поэтому вполне возможно, что он, Варламов, уже впал в маразм, только не знает этого.

Но тогда он должен наблюдать изменившийся внешний мир вокруг себя. Так он его и видит. У Вадика в будке есть компьютер. Чирва его выбросил, а Вадик подобрал и пристроил к нему интернет. Вадик это сторож в их кооперативе «Радуга», а Чирва работает бандитом.

Теперь Вадик общается по компьютеру с женщинами. Как-то Варламов сам видел, Вадика письмо пришло, что четыреста пятьдесят женщин хотят познакомиться с ним. Он и Варламову предложил подобрать подходящую женщину для виртуального общения.

А почему нет? Жены, конечно, никто уже ему не вернёт. Но пока храповичок толкнёт его колесо в последний раз, и Варламов, наконец, встретится с Ирккой там, где уже не будет разлук, почему бы не пообщаться с какой-нибудь дамой в виртуале?

В первый же вечер Вадик подобрал Варламову женщину. Наталья, стройная шатенка, интересуется современной литературой, в особенности постмодернизмом, увлекается музыкой Юрай Хип, нейролингвистическим программированием и здоровым образом жизни. Но вот там была ещё графа «сексуальная ориентация». И в графе было написано – гетеросексуальна.

Да, меняется мир вокруг Варламова. И чем дальше, тем быстрее. Когда-то и он был гетеросексуален. Ещё как. Ирку любил одну всегда, но налево сходить пару раз ухитрился. Зачем? Убей, он не знает. Наверное, из-за этой самой гете-

росексуальности. А сейчас, как будто глаза открылись. Как Шопенгауэр говорил: «только тот, чей мозг затуманен сексуальным импульсом, может называть эти создания с широкими бёдрами, прекрасным полом». Правда, он дурак был, если так говорил. Про затуманенные мозги правда, а дальше дурак, хоть и Шопенгауэр. К тому же говорил одно, а сам за женщинами волочился ещё как, аж сифилис подхватил. Может поэтому и озлобился.

В межгаражном пространстве показалась сторбленная широкоплечая фигура Вадика. Вадик кандидат в мастера по борьбе. Ну, сейчас уже бывший. До последнего времени он работал преподавателем на кафедре физвоспитания в политехническом институте. Но уже и тогда хорошо выпивал. Студенты его и доконали своими подношениями перед сессией, когда нужно было получить зачёт.

Вадик остановился перед сидящим на раскладном стуле Варламовым и, расставив ещё мощные руки так, как будто он обнимал бочку, стал в борцовскую стойку.

– Давай сборемся! – мотнул он лысеющей головой.

Варламов улыбнулся. Он и сейчас борец, Вадик. Но уже только в душе. А так – руки дрожат, глаза слезятся. Сейчас будет на пиво просить.

– Дай пятнадцать рублей, – сказал Вадик, склонив набок голову. – Трубы горят.

– Долго думал, Вадик, у кого попросить? – спросил Варламов.

– Так я ж отдам, – удивился Вадик. – Ты ж типа учёный, да? Ну, бывший. Пенсия, небось, ага?

– Пенсия... Не зли меня, Вадик, я тебя прошу. Не расстраивай. Смотри, какой денёк. А ты всё бухаешь. Не надоело?

Вадик округлил глаза и в изумлении пожал плотными плечами:

– Так я же встал на путь исправления! Только вот пива и всё. Железно! Слово офицера!

– А ты что – офицер?

– Нет, – удивился Вадик, – с какой стати? Дай на пива попить, а?

Варламов знал, что Вадик в таком состоянии способен ка-нючить часами. Порывшись в карманах комбинезона, он нашёл десять рублей и протянул их Вадику.

– Может мелочь есть? – внимательно прищурился Вадик.

– Сейчас поссоримся, хочешь?

– Эх, – Вадик горестно махнул рукой и, пошатываясь, зашагал к своей будке.

...Да, так вот выходит, что согласно Большой теореме Гёделя собственный маразм засечь невозможно. Чтобы полно-стью описать систему, нужно оказаться вне её. Вот оказался Варламов вне своей молодости, и только тогда стало видно, что это на самом деле было. Кто-то из великих сказал, что с тремя вещами вот так. Как окажешься вне их, так и видно становится, что это было. А три вещи эти – молодость, здоровье и свобода.

Только Варламов ещё бы добавил – жена. Кто же это сказал? Кажется, тот же Шопенгауэр. В старости этот тип общался только со своим пуделем Бутцем. Зажигал новомодные стеариновые свечи и рассказывал ему долгими вечерами, каков негодяй этот Гегель. А верный Бутц каждый раз, услышав это имя, шевелил ушами и тихонько рычал в ответ.

Вот и Варламов так, только пуделя у него нет. Вообще, никого нет, хоть шаром покати. Иногда, когда он вот так сидит на раскладном стуле, к нему приходит гаражная собака Лизка. Она кладёт крупную жёлтую голову ему на колени, смотрит на него умными грустными глазами и слушает.

– Что, Лизавета, грустишь? Скоро лето, не грусти... – качает седой головой Варламов. – Сколько нам ещё топтать осталось? Не знаешь? А что ты, вообще, знаешь? И я не знаю... Ничего не знаю. Ничего...

Как-то неинтересно стало ему с гаражными. Вообще, с людьми. Вот и сейчас мужики собирались в пустом гараже Кондюцькова и выпивают. Неинтересно потому, что Варламов знает наперёд все их разговоры под водочку. Мужики в основном все за сорок, поэтому женская тематика уже сильно сведена на нет. Но Нинель вспомнят обязательно, да и то, как председателя их кооператива. Нинель тёртая женщина и дела кооператива она ведёт мудро. Мудро, потому что их кооператив «Радуга», хоть и большой, но незаконный. Так говорит Нинель. Нелегитимный с точки зрения действующего законодательства и подзаконных актов. И поэтому

время от времени его хотят снести. Тогда Нинель собирает деньги и относит их адвокату. По словам Нинель, этот адвокат проделывает титаническую работу, чтобы кооператив не снесли, а, напротив, узаконили.

Бежит с плеском по пластмассовым стаканчикам водочка, хрустят солёные огурцы, заходит за крыши гаражей апрельское солнышко, и течёт неспешно и основательно мужская беседа. Вот кто-то сказал, что Нинель была какая-то сильно нервная на последнем собрании. А кто-то сделал предположение, что это от того, что её муж, долговязый очкарик, плохо ухаживает за ней по ночам. И все начали готовить. Потом кто-то заметил глубокомысленно, что нынешний мужчина ослабел по мужской части, а женщины остались крепкими. И это неудивительно, всё из-за сложной экологической обстановки и постоянных стрессов, которые скапливаются на уязвимых мужчинах.

И так бывает каждый раз. Сейчас начнут интересоваться друг у друга, видел ли кто этого самого адвоката хоть раз в глаза. Окажется, что нет, а денег уже собрали ого сколько. Может, и нет никакого адвоката, Нинель всё придумала, а что?

Потом, выпив почти всю водку, сойдутся на мнении, что таки да, нет в жизни правды. И счастья нет. Но правда будет. Такой тост даже у них есть.

Мужики разлили остатки водки в пластмассовые стаканчики и произнесли последний тост:

– Правда будет!

Потом доели огурцы и стали расходиться к жёнам. Остался только Вадик в своей будке, да Макс.

Макс никогда не принимает участия в разговорах, сидит молча, да и пьёт мало. Максу лет тридцать, он почти лысый, невысокого роста, ходит в форменном красном комбинезоне с надписью на спине «Виннер-Форд» и живёт в этом пустом гараже. Появился он здесь месяц назад. Откуда он взялся никто из гаражных мужиков, включая Вадика, не знал.

... – Есть много инструмента, – сказал Макс Варламову глухим голосом, глядя себе под ноги. – Может пропасть.

– Что за инструмент? – спросил Варламов.

– Разный. Дорогой. Может пропасть, – повторил Макс, не поднимая головы.

– Твой?

– Мой, да.

– Ну, приноси, сложим у меня, – Варламов пожал плечами.

– А, можно?

– Почему нет?

– Ну, ладно, завтра завезу. Только никому не надо говорить, хорошо?

– Ну, ладно, – сказал Варламов и, помолчав, спросил: – А ты кто?

Макс не ответил. Переминаясь с ноги на ногу, он продолжал смотреть вниз.

– Не хочешь говорить, да,.. – сказал Варламов. – Дом есть у тебя?

– Есть, – пробормотал Макс. – Так можно инструмент завести?

– Я ж сказал, можно. А чего не живёшь дома? Жена?

– Нет. Нет жены.

– С ментами проблемы?

– Потом, как-нибудь, хорошо?

– Ну, как знаешь.

Глава 2

Около подъезда Варламова стояли две соседки, возвращающиеся домой после вечернего выгула собак. Мордатого мопса, выпуклые глаза которого придавали ему слегка хамовитый вид, звали Милан. Другая собака по кличке Софи была таксой, и своим видом наводила на мысли о пользователе фотошопа, который забыл поставить флажок «сохранить пропорции» при коррекции размеров изображения.

– В воскресенье была передача, беседа с академиком Фаттеем Шатуновым, – сказала хозяйка Софи, худошавая интеллигентная женщина лет пятидесяти. – Он директор международной энерго-информационной академии, представительный такой мужчина. Не смотрели?

– Нет, – помотала головой приземистая хозяйка Милана. – А что, интересно?

– Да. Оказывается, от народа скрывали духовную часть уравнения Шрёдингера. Это был такой физик. Отец квантовой механики.

– Как Эйнштейн? – хозяйка Милана прищурилась и вопросительно посмотрела на соседку.

– Ну, вроде. В общем, умный такой мужчина, его портрет показывали. В очках, на еврея похож.

– Кто, Фаттей?

– Нет, Шрёдингер.

– Так евреи все умные. И все друг за друга стоят, не то, что мы.

– Нет, Шрёдингер, кажется немец.

– Так и немцы. Это ж только наши, – хозяйка Милана презрительно фыркнула. – Зальют глаза и орут под гитару «душа болит и сердце плачет». Вон, как мой. Я ему говорю: «Ты ж кафель в туалете когда доложишь?» А он мне, представляете, говорит, это ж додуматься надо: «Дай мне дожить спокойно те годы, которые отпущены мне судьбой». Судьбой, вы представляете? И опять за гитару, «словно я весенней гулкой ранью проскакал на розовом коне». Я уже наизусть знаю, тридцать лет слушаю одно и то же, а кафель первый ряд как положил, так и стоит.

– Да... Так вот, это уравнение описывает движение материи в пространстве и времени. А академик Шатунов дополнил его формулой, учитывающей духовную составляющую, – хозяйка Софи назидательно подняла указательный палец вверх.

– Духовную составляющую чего?

– Вселенной. Вселенная имеет душу. Только эту часть уравнения долгое время скрывали от народа.

– Кто?

– Мировая закулиса, – хозяйка Софи понизила голос. – Масоны.

Хозяйка Милана постно поджала губы, покивала головой и спросила:

– Масоны? А кто это?

– Это всемирный заговор. Мировая закулиса.

– Тоже немцы, небось?

– Кто ж их знает? Наверное... Так вот, на основе этого уравнения, с учётом духовной составляющей, сконструирован особый прибор. Я себе его уже купила, – сказала хозяйка Софи. – Называется «Лептон-2». Такая коробочка, как косметичка, перламутровая с таким розовым отливом. Там были ещё синие, но это же вырви-глаз, я купила перламутровую.

– А где он продаётся? – спросила хозяйка Милана.

– На Прорезной. Там есть такой международный Центр изучения человека. Сначала тебя просвечивают лучами. Только надо снять все металлические вещи. И ты на компьютере сразу видишь свою ауру. По-научному – энерго-информационный кокон. У больных людей он повреждён.

– А чем просвечивают, рентгеном? – спросила хозяйка Милана.

– Нет. Лучами Кирлиан.

Хозяйка Милана понимающе кивнула.

– У меня аура была повреждена в трёх местах, – продолжила хозяйка Софи, прижав ладонь к животу. – И почему-то на лбу выявилось светящееся красное пятно. Это третий глаз. Вот, так меня обследовали всю и прописали этот прибор. «Лептон-2». На двух батарейках, их в переходе можно купить или там же в центре, но там дороже.

– И что, этот прибор нужно прикладывать куда-то?

– Нет, просто носить с собой. Прибор преобразует крупно-кластерное лептонное поле в мелко-кластерное. И теперь тебя уже никто не сможет сглазить.

– Ну и как, помогает? – заинтересованно прищурилась хозяйка Милана.

– Да.

Хозяйка Софи наклонилась к уху соседки и заговорщическим голосом сказала:

– Через три дня у меня нормализовался стул.

– Вы смотрите! – всплеснула руками хозяйка Милана. – Учёт духовной части в формуле, а как всё связано!

– Да, в организме всё между собой связано. А вы думаете почему раньше считалось, что наказание розгами ну, по... задней части улучшает память? И во Вселенной всё так же. Всё связано, абсолютно всё! Человек это вселенная в миниатюре. Когда мы читаем над свечой молитвы, то лептонная плазма от горящей свечи модулируется вибрациями молитвы и возносится вверх к куполу и там концентрируется. Поэтому куполы все особой формы и позолоченные.

– Да? – изумилась хозяйка Милана. – Вы смотрите!

– Да. Это тоже открытие академика Шатунова.

Хозяйка Софи вынула из кармана какой-то рекламный буклет.

– Вот смотрите, давайте под свет подойдём, мне это в Центре изучения человека дали. Тут про продукцию этого цен-

тра написано, у них много чего ещё есть, ага, вот: «Подставка для воды „Светлый источник“. Представляет собой деревянную подставку с запрессованным в днище голографическим торсионным носителем, являющимся хранителем информации о живой воде из Гремящего водопада».

Хозяйка Софи стала водить пальцем по буклету и шевелить губами:

– Ага, вот, смотрите. «Биокорректор „Покровитель“. Представляет собой информационный прибор, работающий на выявленном российскими учеными глобальном явлении информационного переноса. Биокорректор „Покровитель“ защищает биополе человека от социопатогенных воздействий, таких как сглаз и энергетический вампиризм».

Некоторое время женщины молчали, рассматривая изображённые в буклете энерго-информационные аппараты, а потом хозяйка Милана, наклонившись к соседке сказала, понизив голос:

– А вы ж Аньку из семьдесят первой квартиры знаете?

– Да, – хозяйка Софи тоже понизила голос.

– Так у неё дочь, Наташка, ни кожи, ни рожи, а её муж, Николай, интересный такой мужчина, представительный, работает в налоговой инспекции. Так Анька вот что рассказывала. Давайте отойдём немного.

Хозяйка Милана взяла подругу под руку и продолжила:

– Так там тоже был такой центр, назывался как-то вроде «Центр духовного возрождения» или как-то так. Назва-

ние ещё у него ещё было, зашифровано: «Тело-разум-душа». И там тоже были разные пирамидки от излучений, шары счастья, даже аспиранта одного держали. И экстрасенс был настоящий. При министерстве культуры этот центр молодёжный был. Так потом что оказалось, – хозяйка Милана всплеснула руками. – Там все в этом центре оказались из бывшего горкома комсомола! А главный там был бывший первый секретарь шевченковского райкома! И занимались они в этом центре обналичиванием! Им фирмы скидывали деньги, а они их обналичивали под проценты. Двенадцать печатей разных организаций обнаружили при обыске! А директора они держали сумасшедшего! Естественно, справка была у него.

– Вот негодяи! – возмутилась хозяйка Софи. – А как же и поймали?

– Соседи донесли. Там рядом баптистский молельный дом был! Так народ от баптистов стал в центр духовного возрождения переходить, вот баптисты и донесли про обналичивание в налоговую. Правда, потом оказалось, что у баптистов главный пастор тоже был из этого же шевченковского райкома, второй секретарь. А аспирант настоящий оказался, из института философии. Его в тёмную использовали, он про обналы даже не знал.

– А экстрасенс? – спросила хозяйка Софи.

– Экстрасенс алкоголиком оказался. Раньше, вроде был экстрасенсом. Они с сумасшедшим директором как-то по-

дружились, выпивать прямо там, в центре возрождения приспособились, но тоже ничего про махинации не знали. Их потом отпустили. Экстрасенса пастор потом забрал себе заместителем.

– А директор?

– Директора сразу взяли в другую фирму. Такие люди на дороге не валяются. Анька говорила, в городской джаз-клуб взяли, главным бухгалтером. Там тоже все бывшие инструкторы из райкома комсомола. Николай туда записался, чтобы понаблюдать за ними, удостоверение выдали ему, – сказала хозяйка Милана с уважением.

– Так, а Николай что, играет на чём-то?

– Играет? Да нет, Анька говорит, даже, когда выпьет, нет. Солидный такой мужчина, раньше в отделе снабжения работал. На Штирлица немного похож. Повезло Наташке. А сама же... – хозяйка Милана брезгливо скривила тонкие губы и вздохнула.

– А как же он тогда в джаз-клуб попал?

– На отделение теории джаза. Там, в этом клубе вообще никто не играет, одного только пианиста держат на ставке. Его жена из дому выгнала, так он в клубе том и живёт.

– Лузер... – пренебрежительно хмыкнула хозяйка Софи.

– Ну, да. Лауреат там каких-то джазовых конкурсов. Николай говорит, что скоро эту всю контору подсечёт, – доверительно сказала хозяйка Милана и потянула мопса за поводок.

– Ну, мы пошли домой. Милан, домой. Спокойной вам ночи, очень интересная передача была.

– Пошли, Сонька. И вам спокойной ночи.

Глава 3

Возвращавшийся из гаражей Варламов вошёл в подъезд и у лифта встретился с хозяйкой Милана.

– Добрый вечер, – поздоровался он. – Ну, как погулял, Милан, а?

В это время откуда-то сверху вдруг раздался отчаянный, разрывающий душу, крик кошки.

– Господи, – хозяйка Милана схватилась за сердце. – Опять этот наркоман кошку мучает! Сколько же можно! Я не могу уже, Господи!

– Кто мучает? – спросил Варламов.

– Васька, сволочь наркоманская! Как мать его, Наташка, померла, так сходятся у него, варят там что-то, потом ширнутя и кошку мучают. Ох... Что же это. Орёт так...

– А милицию если заявить?

– А то не заявляли! Нет них на него доказательств! Свобода личности! Раньше бы уже давно в ЛТП сидел бы. И вылечили бы может ещё. И к станку пристроили бы, лба такого! А сейчас нет управы, нет! Ни на земле, ни на небе... За что животному такое, а?

Варламов понимающе покачал головой.

– Может письмо какое составить? Я подпишу, если что.

Хозяйка Милана горестно махнула рукой.

– Хоть бы морду кто набил ему из мужиков. Но бояться.

Дружки его страшные такие. Хари зелёные. Ещё дверь подождут.

Придя домой, Варламов переоделся, налил полную кружку молока из холодильника и отрезал большой кусок батона. Поставив ужин на столик, он включил компьютер и как обычно проверил почту.

Сегодня в поступившей корреспонденции неизвестные добрые люди предлагали Варламову усилить на четырнадцать процентов потенцию, купить справку о беременности, а также целый комплекс по осуществлению личностного роста, в который входило овладение техникой хождения по горящим углям, постановка голоса и открытие третьего глаза.

Ага, вот и сообщение от Натальи. Отправив в спам заманчивые предложения, Варламов отхлебнул из кружки молока и открыл фейсбук. С наташиной страницы на него смотрела худощавая женщина с аристократическим строгим лицом и пронизательным взглядом. Варламов надел очки и прочитал:

«Наташа. On line. Предположим мы с Вами оказались на необитаемом острове. Я пошла купаться и на меня напала акула. Ваши действия?»

Варламов откусил батон и сделал из кружки глоток молока. Ага, вот и варианты ответа, нужно клацнуть на нужном. Первый вариант «Я ударил бы акулу в нос». Варламов глубоко вздохнул. Вот и первые признаки... Мир начинает казаться неадекватным. Когда ты весь остался в своём старом

мире, а то, что происходит вокруг, вдруг становится непонятным. В его старом мире шутил Губерман: «Как часто мы пилили сук. Но мы уже не те, и суки постарели...» Варламов грустно улыбнулся. А сейчас, вот, смешно совсем другое. Ударить акулу в нос. Он откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. А славное было бы название диссертации: «Ранняя диагностика сенильного синдрома у мужчин методом темпоральной аутокореляции вербальных паттернов».

А что за музыку строгая Наталья слушает он лайн? Ага, вот вверх в углу: «Я сейчас слушаю Юрай Хип».

Варламов включил звук.

«Зер ай воз он а джулай монинг лукинг фо лав» раздался из колонок голос Дэвида Байрона.

Какая-то мистика. Мурашки по спине...

...В то раннее утро первого января после встречи Нового Года они расходились по домам. Из переносного магнитофона «Весна» звучала только вошедшая в моду «Юрай Хип». Именно эта вещь «Джулай монинг» – «Июльское утро».

Тогда на улице в предрассветном сумраке они встретились с такой же компанией, возвращавшейся с новогодней ночи. И стали танцевать... Прямо на улице. Наши мальчишки с их девочками и наоборот. Варламову досталась худенькая девочка с огромными глазами. Она положила руки в перчат-

ках ему на плечи, а он обнял шерстяное пальто в том месте, где была талия девочки. Новогодний туман от выпитого шампанского плыл в его голове, перемешиваясь с феноменальным соло на мини-муге Манфреда Мэнна. И юный Варламов, которого звали тогда Володя, болтал какую-то чепуху, глядя в глаза девочки, в которых отражался ртутный уличный фонарь.

«Как тебя зовут...»

«Ира...»

«Давай встретимся сегодня вечером...»

«А я что, тебе нравлюсь...»

«Кажется... Очень... Очень нравишься...»

...Кто ж знал, что Ирка окажется такой болезненной

Варламов открыл глаза. Вот она, Ирка, смеётся с большого фото, сделанного в Ялте. В летнем ситцевом платье, совсем девчонка. Он закусил губу и потряс головой. Что за вечер, блин. То кошка, то эта песня.

Варламов ткнул курсором в квадратик рядом с вариантом «Ударил бы акулу в нос». Через некоторое время появилась надпись:

«*Я кажусь Вам глуповатой?*»

«Нет» – ответил Варламов, – *Совсем напротив.*

«*Это правда?*»

«Ну, конечно!»

«А Вы любите Юрай Хип?»

«Люблю»

«Ну, тогда как называется этот альбом?»

«Лук ат Ёселф»

«Ну, так Лук ат ёселф, Варламов!!! И скажи ещё раз – ты действительно сказал правду?!»

Варламов отложил клавиатуру и почесал затылок. Потом заглянул в кружку и допил молоко. А дамочка не простая. Ударил акулу в нос... А потом «Лук ат ёселф!!! Посмотри сам на себя, Варламов!!!» И скажи правду!

«А Вы, что, следователь?» – напечатал Варламов.

«Я всего лишь совокупность импульсов тока в этом компьютере, не более. Которая отражается в твоём сознании, как Наташа. Не стесняйся меня. По сути, ты будешь отвечать сам себе. И вряд ли тебе удастся себя надуть».

Варламов искоса посмотрел на системный блок компьютера, стоящий под ногами и набрал:

«Это ещё почему?»

«По той же причине, почему Мюнхгаузен не смог вытащить себя за волосы из болота»

«В смысле?» – у Варламова тревожно заныло под ложечкой.

«Для того, кто находится в замкнутой системе невозможно её полное описание. Теорема о неполноте» – появились на экране слова. *«Поэтому невозможен и полный кон-*

троль. Как бы человек не корячился в лодке без вёсел, которыми он мог бы взаимодействовать с открытой системой, лодка не сдвинется с места»

«Вы кто?»

*«Ты же умный человек, Володя, не валяй дурака. Совокупность импульсов. Статистический ансамбль двумерных заряженных осцилляторов в твоём компе. С именем Наташа, не более. Сейчас ты пойдёшь спать, но перед этим я задаю тебе вопрос – **ТЫ ИЗМЕНЯЛ ЖЕНЕ?**»*

Глава 4

Ночью Варламов спал плохо. Во сне он стоял в большой лодке без вёсел посреди какого-то водохранилища с тёмной водой и пытался приблизиться к берегу. Времени было в обрез, потому что Варламов знал – вот-вот должно было произойти что-то ужасное. Он сделал несколько резких шагов по направлению к корме лодки. Лодка при этом ощутимо продвинулась вперёд. Но, когда он остановился, упёршись в корму, то лодка возвратилась точно в то самое место, где была до этого. Как ни прыгал Варламов с носа на корму и обратно, лодка только двигалась туда-сюда относительно своего среднего положения. Отчаявшись, он схватил тяжёлый пробковый спасательный круг и изо всех сил метнул его за корму. Лодка уверенно двинулась в противоположном направлении к берегу. Тогда Варламов схватил со дна лодки деревянный настил и, захрипев от напряжения, тоже швырнул его за корму.

Лодка поплыла быстрее. Вот берег уже совсем близко! Что можно бросить ещё? Сдирая в кровь пальцы, Варламов выломал деревянную скамейку – банку и из последних сил бросил за корму и её. Ещё немного и он спасён! Что ещё?! Он снял ботинки и тоже отбросил их назад. Наконец, лодка уткнулась носом в берег. В это время чёрная вода в водохранилище вдруг забурлила, закрутилась в гигантскую воронку

и с рёвом устремилась в какую-то бездонную трещину в земной коре, увлекая за собой всё что можно. Варламов закричал и проснулся, обливаясь холодным потом.

Какая-то ерунда... А всё из-за того, что на ночь сидел в этом фейсбуке. Какая-то Наташа... Что она там ему писала? Что-то про Мюнхгаузена, который не мог вытащить сам себя за волосы из болота. Бред. Что-то там про то, что нельзя контролировать изолированную систему, находясь внутри её... Нельзя дать полное её описание... И что-то большими буквами светилось на экране... Какой-то дурацкий вопрос. Совсем дурацкий, как и весь этот фейсбук. Глаза Варламова закрылись и он уснул.

Придя в гараж, Варламов увидел Чирву. Жилистый чернявый мужчина с приплюснутым, как у боксёра носом и толстой жёлтой цепью на мощной шее, он сидел в подержанной БМВ с работающим мотором и открытой настежь водительской дверью. Чирва брезгливо всматривался в какие-то бумаги, которые держал в вытянутой руке с золотым браслетом на запястье и время от времени нажимал на педаль газа. Мотор БМВ при этом чихал, а из выхлопной трубы вылетало облачко дыма. Чирва недовольно крутил коротко стриженной головой и что-то злобно бормотал. Потом он захлопнул дверь и, отчаянно дымя, куда-то уехал.

Через некоторое время на ржавой «Таврии» приехал Макс с инструментом. Такой профессиональный и качественный инструмент Варламов раньше видел только на фирменных сервисах. Наборы хром-ванадиевых ключей и торцевых головок, микрометры, штангельциркули, фирменный мотортестер Бош и много каких-то технических книг и журналов.

Гаражные мужики, посмеиваясь, скептически наблюдали, как Макс подключил к распределительному щитку какую-то коробочку, размером в два кирпича и заправил в держак сварочный электрод. Все знали, что из-за низкого напряжения гаражной электросети сварочные аппараты здесь не работают. Однако странный аппарат неожиданно выдал мощную дугу, и через два часа Макс из уголков, лежавших несколько лет без дела в гараже Варламова, сварил навесной стеллаж.

Аккуратно разложив инструменты на полках и на полу под стеллажом, Макс вышел из гаража и, прислонился спиной к могучему каштану, росшему рядом. Закурив сигарету, он стал молча наблюдать за действиями вернувшегося Чирвы. Потом он подошёл поближе и сказал:

– Могу посмотреть.

– Чего? – сверкнул на него злыми глазами Чирва.

– Могу посмотреть.

– Что посмотреть?! Я на двух сервисах уже был. Там бабунин один носатый, его точно на спор зачали, какую-то хрень подцепил к авто, на ноутбуке что-то гонять стал. Потом дал мне эти распечатки, шесть листов напечатали, а что чинить

не сказали!

Чирва нервно потряс зажатými в руке бумагами.

– По-английски, что-то, сами, не поймут что, ну, дятлы! А мотор, вон, видишь, чихает, денег уже сколько взяли! А ты что, понимаешь что-то в этом? – Чирва склонил квадратную голову и с сомнением оглядел Макса с головы до ног.

– Могу попробовать, – Макс пожал плечами.

– Ну, глянь. Только осторожно.

Макс выбросил сигарету в бак с мусором и вернулся к машине.

– Откройте капот, – сказал он. – Ну-ка, погазуйте слегка.

Наклонив голову, он стал вслушиваться в звук работающего мотора. Потом пошёл в гараж Варламова и вернулся с аэрозольным баллончиком и каким-то приспособлением, напоминавшим медицинский стетоскоп. Макс надел на уши наушники и стал брызгать аэрозолем в различные места мотора, внимательно к чему-то прислушиваясь. Минут через двадцать он сказал:

– Нужно поехать на базар, место 92, скажете от меня, и купить там резиновые уплотнительные кольца под форсунки инжекторов.

Чирва хмыкнул и дал Максy блокнот:

– Запиши.

...Через три часа Макс закончил собирать инжекторную рейку и завёл двигатель. Мотор ровно мягко заурчал. Чирва резко нажал на педаль газа. Мотор взревел так, что с дере-

вьев с карканьем взлетели вороны. Чирва захлопнул дверцу и сорвался с места. Через пятнадцать минут он вернулся довольный.

– Всё путём, – сказал он. – Ну, ты, дока! Ну, короче... Держи!

Чирва порылся в бумажнике и протянул Максу пятидесятидолларовую купюру.

– Спасибо, – сказал Макс. – Можно ещё впускной коллектор почистить. Давно чистили?

– Ты, вот что, – сказал Чирва. – Сейчас мне некогда. Надо, вообще, перетереть нам кое-что. Я зайду к тебе завтра.

В жизни каждого человека не так уж мало мистики. Просто нужно присмотреться и тогда каждый может увидеть её признаки. В молодости, когда тебя каждый день подхлёстывает весёленький коктейль из честолюбия и самоуверенности, конечно, ничего такого не видно. Ну, вот, как днём не видно звёзд. Хотя, говорят, в глубоком колодце их можно увидеть и днём. Но кто там по молодости будет заглядывать в глубокий колодец.

Варламов сел в кресло и покосился на выключенный компьютер. Вот и сейчас, эта история с Натальей из фейсбука, которую ему подсунул Вадик – чем не мистика?

Сначала эта песня – «Джулай мониторинг». Откуда она взя-

лась? Древний Юрай Хип уже никто и не слушает. Музыка сильно продвинулась с тех пор. Вадик как-то забыл в его гараже свой новомодный компакт. Варламов сунул его в плеер в своей шестёрке и решил проехаться за продуктами в гастроном. Только выехал, включил плеер, интересно же, чем там племя молодое, незнакомое живёт? И тут вдруг начало колесо затирать! Вжик, вжик, вжик... Варламов так расстроился, опять поворотный кулак треснул, что ли? Остановился. А оно продолжает затирать! Только, когда выключил плеер, перестало. Музыка эта такая была... Вроде и развиваться уже дальше некуда. Или катаклизма какая будет и тогда опять сначала былины под гусли слагать начнут, или всё, аллес капут...

С Ирккой своей познакомился под эту «Джулай мониторинг». А потом по фейсбуку пошла цепочка – название концерта «Лук эт ёселф», «Посмотри сам на себя» и скажи – ты изменял жене?! Если сейчас зайти на фейсбук, то там висит этот идиотский вопрос.

И, оказывается, ни солгать, ни слухавить нельзя. Вернее, кому-то внешнему – запросто, а себе нет! Одно из следствий теоремы Гёделя о неполноте.

А, интересно, сам Гёдель ходил налево? С одной стороны нет, любил Курт жену отчаянно. Когда сам впал в маразм, только из её рук пищу ел. И она кормила своего Куртци. Но случилось так, что померла раньше его. Куртци не стал уже перестраиваться и тоже помер через некоторое время

с голоду.

А с другой стороны его лучшим и, кажется, единственным другом в Принстоне был Эйнштейн. Умный... Но бабник. И бабы его любили, да... На лекциях по теории относительности тринадцатилетние девочки слушали Альберта, раскрыв рот, рядом с дамами позднего репродуктивного возраста. Чекист Судоплатов даже напустил на гения агента Лукаса – Марго Коненкову, жену скульптора, который ваял в Принстоне бюст Альберта.

Можно, конечно, стереть всё в компьютере, даже Виндовз переустановить. И забыть об этой странной истории. Но ничего в этой жизни не бывает просто так...

Варламов включил компьютер. Где-то у него записаны слова Вольтера. Ага, вот: «Случайности не существует: всё на этом свете либо испытание, либо наказание, либо награда, либо предзнаменование».

А не всё перечислил вольнодумец. Ещё – шанс. Вот эта история с фейсбуком может быть его, Варламова, шанс. И, учитывая его возраст, может быть последний.

Последний...

Какую весомость придаёт обыденным вещам это слово. Последний дюйм. Последний рубль. Последнее слово. Последняя просьба.

И вот у него, может быть, последний шанс что-то улучшить в своей истории болезни под названием жизнь.

Варламов открыл фейсбук.

Наташа онлайн. Странно, хотя чего уж тут... И вопрос висит: «Ты изменял жене?»

Варламов поставил курсор в окно ввода текста и напечатал:

«Да».

...Алёна была молодая крутозадая лаборантка из их отдела. Чёрт его знает... Да, именно так – знает только чёрт. Только Варламов тогда этого не понимал. Трындят же все кругом – победа, победа... От записи в дневнике гениального Пушкина про мадам Керн, до рассказов университетского товарища Варламова по фамилии Замошкин.

Варламов, который был тогда ещё Володей, знал, что Алёна трахается с начальником отдела и с кем-то там ещё. Да она особо этого и не скрывала. И стал в очередь. После недолгого ожидания одержал над Алёной «победу». Потом ещё. Ну, и так далее. Не хуже других.

Так он стал победителем. А почему бы и нет? Раз обезьяне можно, и даже нужно, то почему ему, прямому потомку обезьяны по мужской линии, нельзя? Или Чарльз Дарвин был дурак? Но дурака в Вестминстерском аббатстве не похоронят. А главное, как говорила Алёна, ни она, ни он никому лично ничего плохого не делали. Алёна так даже одно хорошее.

Теперь-то Варламов знает, что к чему... У Ирки тогда с сердцем началось. В больницу попала. И Варламов в приённом покое сказал Богу – всё! Больше никогда! Никогда! Только вот, кажется, не всё так просто. С тех пор много чего поломалось в его судьбе.

Алёну как-то год назад встретил. Угреватый нос крючком, зубы чёрные, изо рта запах алкоголя, «Вовчик, пивка не купишь?» Ходячее доказательство того, что кто-то ошибался. Наверное, он. Но и великие люди тоже ж... Не избежали. Так до сих пор и не выяснили, чей сынок Фредерик Демут был – Маркса или Энгельса. Фредди по дружбе признал его своим, но по всем раскладам экономка Маркса Елена Демут всё-таки от Мавра родила его.

Хотя, тоже, любил свою Женни Мавр самозабвенно. От постели её не отходил, когда та болела оспой. Да и Фредди не минуло это, прожил в гражданском браке с прядильщицей со своей фабрики Мэри Бернс, пока та не померла. И закадычному другу своему по классовый борьбе чуть бородастую физиономию не набил, когда тот неудачно пошутил насчёт его Мэри. И даже Ленин, чуть не помер, когда за гробом товарища Иннесы Арманд шёл. Шатаясь на ватных ногах, с огромным букетом белых лилий, кепка с головы свалилась.

На экране тем временем появилась строка:

Наташа: Жалеешь?

Варламов: Да

Н: Хочешь исправить?

В: Ты мой ангел-хранитель?

Н: Нет

В: А кто?

Н: Хочешь исправить, ты не ответил?

В: Хочу, а что надо делать?

Н: Совсем просто – раскаяться в этом и всё

В: Давно раскаялся!

Н: Это тебе так кажется. Раскаялся разбойник на Голгофе. Тебя прибивали гвоздями за ладони к кресту?

В: А что, без этого нельзя?

Н: Нет.

В: Так что, значит, шансов нет?

Н: Чепуха, ты же человек! Хотя тогда ты считал, что произошёл от обезьяны, и поэтому тебе всё позволено.

Вот оно!!! Наташа опять читает его мысли! А что, если спросить её о сне, который приснился ему прошлой ночью?

«А ты разбираешься в снах?» – напечатал он.

Н: Рассказывай.

Варламов отпечатал в текстбоксе краткое содержание своего сна с лодкой и водохранилищем. Некоторое время ничего не происходило. Потом появилась строчка:

Н: Ты ломал лодку? Ты видел свою кровь?

В: Да

Н: Тебе грозила смерть?

В: Да

Н: Ты спасся?

Странно, Наташа переспрашивает содержание его сообщения короткими фразами.

В: Да, спасся.

На экране стали появляться слова. Медленно, буква за буквой

Н: Твой шанс – в этом сне. Ты сломал лодку, свою замкнутую систему, ты избавился от части своей изолированной системы. Ты спасся благодаря этому.

«Что я должен делать?» – напечатал Варламов.

На экране высветилось: *«Наташа оффлайн»*

Глава 5

Осваивая тему любви в своей жизни, Замошкин в конце концов подцепил сначала гонорею, потом какой-то грибок, который не брал ни один антибиотик, а в конце вообще попал в больницу с непонятным диагнозом. Когда Варламов недавно навестил его там, Замошкин вдруг затрясся, как осиновый лист на ветру, и на его губах показалась зеленоватая пена.

А, ведь, и у него сначала было совсем по-другому. Сколько воды утекло с тех пор!.. Была худенькая девушка с голубыми глазами, которую звали Света. С ней Замошкин дошёл аж до того, что обсуждал, какой торшер покупать в их коммунальную комнату, которая досталась ему после размена родительской квартиры. Решили они тогда, что покупать нужно торшер с баром. Но потом были смотрины, и Замошкин сильно не понравился светинной маме, которая работала завхозом в музыкальном училище. Совсем немного вечеров понадобилось музыкальной завхозше, чтобы за задушевными женскими разговорами убедить дочь в том, что она достойна лучшей судьбы.

...Света стояла, опустивши голубые глазки долу, нервно теребила тонкий поясок белого платья, а с неба слепило глаза первое весеннее солнышко. Замошкину тогда больше всего на свете хотелось прижать её к себе и больше никогда не от-

пускать. Но он не делал этого, потому что чувствовал, нет, просто знал, что сейчас, вот прямо сейчас, случится что-то совсем плохое, что эта девочка уже чужая, бесконечно чужая.

Когда Света сказала ему слова, которым её научила мама, Замошкин пришёл в состояние, очень похожее на то, когда какой-то малолетний хулиган, которого он видел первый раз в жизни, ударил его около подъезда гитарным грифом по голове. Как будто кто-то щёлкнул выключателем, весеннее солнышко стало светить совсем тускло, а по пазлам, которые сложились в его душе в дурацкий узор, как будто кто-то наподдал снизу ногой. И они взлетели, перемещались и зависли где-то непонятным хаотическим облаком, кружась и тщетно пытаясь соединиться опять в какую-то новую структуру.

Так и пришёл на следующий вечер Замошкин с этим клубящимся хаосом в голове под окна небольшого одноэтажного коттеджа, в котором жила Светка. Он постучал в окно, а после молча стоял, разглядывая асфальт под ногами. Тогда Светка не придумала ничего лучшего, как в голос разреветься, а потом сквозь слёзы требовать, чтобы он залез в окно. Мамаша, испуганная доносившимися из комнаты дочери звуками, накапала себе валерьянки и, прислонясь ухом к двери, пыталась понять, что происходит. Замошкин некоторое время молча смотрел снизу вверх на Светку, а потом повернулся и, слегка покачиваясь, медленно пошёл к авто-

бусной остановке.

После этого на его несостоявшееся коммунальное семейное гнёздышко положили глаз его бывшие знакомые, с которыми он на время романа со Светкой прекратил общение. Первым с двумя барышнями пришёл друг Бында. Одну барышню Бында у порога взял сзади за плечи, развернул к Замошкину и сказал:

– Это тебе.

Потом Бында повернулся к девице и спросил:

– Тебя как зовут?

– Мила, – барышня хихикнула и посмотрела озорным взглядом на Замошкина, – Здрости.

После того, как Замошкин в тот вечер выпил с Бындой две бутылки портвейна, а потом стаскивал с тяжело сопящей Милы джинсы, пазлы в его голове вдруг с грохотом встали в совершенно новую комбинацию.

Тот же вечер стал началом настоящего кошмара для соседа Замошкина по коммуналке Семёна Куйбышева. Куйбышев был жёлчным интеллигентом, обладавшим целым рядом комплексов, присущих холостому молодому пенсионеру.

Когда он, выглянув из своей комнаты, увидел в тусклом свете коридорной лампочки направляющихся в душ болтающих о чём-то двух голых барышень, то сначала не поверил своим глазам. Захлопнув дверь, он потряс головой, и волна негодования поднялась в его заскорузлой без женской ласки душе. Какое бесстыдство! Хоть бы прикрылись чем! Идут

и болтают!

В это время в ванной щёлкнула задвижка и в коридоре вновь раздались девичьи голоса. Кровь бросилась в голову Куйбышева, он метнулся к столу и дрожащей рукой налил из графина воды. Однако, сделав несколько судорожных глотков, он поставил стакан на стол и бросился к двери. Выглянув в коридор, он встретился взглядом с проходящими мимо барышнями.

– Здрости, – хихикнули барышни, и, повернувшись к Куйбышеву голыми попками, неспеша продефилировали в комнату нового соседа.

Потом Замошкин наловчился приводить женщин сам. Чаще других он приводил домой Лидию, худощавую жилистую особу лет тридцати. Лидия была замужем и работала старшим менеджером в расположенном поблизости банке. За время обеденного перерыва она как раз успевала быстрым шагом дойти до дома Замошкина, быстро совокупиться и вернуться на рабочее место. Каждый раз, приходя к нему домой, она вынимала из дамской сумочки электронный будильник и ставила его на стол. Ровно через полчаса будильник заходился неожиданно громким для своих размеров свистом, и Лидия, вспорхнув с дивана, бежала в душ, из одежды имея на себе только тапочки Замошкина. В коридоре её уже поджидал негодующий Куйбышев, который случайно выходил в это время из своей комнаты.

От встреч с голыми барышнями, которые упорно не желала-

ли стесняться Куйбышева, он стал ещё более жёлчным и даже похудел. Одна часть его естества негодовала из-за бесстыжего поведения срамных девок, вторая часть заставляла прислушиваться к доносящимся из комнаты соседа звукам и в нужный момент выходить в коридор. Третья же часть стойко презирала самого Куйбышева.

От этого растроения сознания доведённый до нервного истощения Куйбышев однажды написал на Замошкина заявление участковому. В заявлении было сказано, что проходящие к соседу женщины ведут себя антигуманно, а именно, ходят в ванную для отправления гигиенических процедур совершенно голые, что противоречит принципам социалистического общежития.

Короче, был скандал. Участковый старший лейтенант Когут захотел сам убедиться в показаниях Куйбышева и пошёл на следственный эксперимент. Перед обеденным перерывом он засел в комнате Куйбышева и стал ждать. В назначенный час пришла Лидия, и Куйбышев стал прислушиваться, ожидая сигнала будильника из комнаты соседа.

Как раз в этот день в их доме из-за испытаний теплотрассы отключили горячую воду, и Лидия предусмотрительно вскипятила в комнате Замошкина электрочайник. Одета, как обычно только в тапочки Замошкина и с электрочайником в руках, она столкнулась с внезапно вышедшим из комнаты Куйбышева участковым Когутом. Увидев перед собой вместо привычного Куйбышева незнакомого мужчину в фор-

менной фуражке с кокардой, Лидия завизжала и стала брызгать в Когута кипятком. Ошпаренный и потрясённый происходящим участковый, закрываясь локтем от летевших в него раскалённых капель, другой рукой придерживая съехавшую на затылок форменную фуражку, с трудом пробрался к двери и уже оттуда стал что-то выкрикивать по поводу проституции и положенных за это пятнадцати суток. Его угрозы, впрочем, тонули в визге Лидии.

Короче, переехал тогда Замошкин. Достал его Когут так, что пришлось поменять комнату на другую, тоже в коммуналке. В новой комнате помещался только диван, шкаф, стол и узкий проход между ними. Но зато дом был дореволюционной постройки, кирпичные стены были полметра толщиной и почти не пропускали звуков. А единственной соседкой была старая бабка, которая не обращала внимания на приходивших к Замошкину раскрепощённых дам и собутыльника Бынду.

Глава 6

Тогда Варламов ещё только шёл на ярмарку. И поэтому не знал особой разницы между женой и просто женщиной. И не знал, что, женщина должна спать только со своим мужем, который приносит ей и её детям еду, деньги и защитит их от врага. И, если женщины начнут поступать иначе, то рано или поздно придут в действие тайные и мощные пружины, лежащие по ту сторону нашей реальности, но способные разрушить не только судьбу человека, но и судьбу рода, а то и цивилизации.

Люди это интуитивно чувствуют, поэтому и придумали для таких женщин соответствующие слова. Во всех языках, у всех народов есть эти слова. Потому что самый красивый замок, но который открывается любым ключом – совсем некудышний замок.

Ну, а ключ, который открывает любой замок? Наверное, это очень хороший ключ. Каждый хотел бы иметь такой ключ. Когда Варламов только шёл на ярмарку, он был уверен в этом.

А потом какие-то колёса там, на небесах, пришли в зацепление, калейдоскоп провернулся, выцветшие стёклышки пришли в движение и составили новый узор. В новом узоре его вьющиеся волосы стали коротким седым ёжиком, и постаревший Вовчик в один прекрасный день понял, что он

уже давно идёт с ярмарки. И ещё он понял, что такой ключ хотел бы иметь только каждый вор. И вовсе не ключ это, а воровская отмычка.

Наташа что-то сказала про разбойника на кресте. Варламов взял с полки Евангелие и начал искать нужную страницу. Вот они, слова прощённого разбойника из Евангелия от Луки: «И сказал Иисусу: помяни меня, Господи, когда приидеши в Царствие Твое!»

Что же он сказал?..

Не исправился я, не прости мне мои грехи, не стал я теперь хорошим. А сказал неожиданное: «Помяни меня, Господи, когда приидеши в Царствие Твое!»

Но Наташа с фейсбука, или откуда она там, сказала, что просто так не получится. Чтобы прийти к этому нужно оказаться пригвождённым к кресту. В этом то и вся фишка. Чтобы лодка пришла в движение нужно с чем-то расстаться. Со спасательным кругом, с настилом, разбить в кровь пальцы, сломать и выбросить скамейку... И тогда когда-нибудь лодка уткнётся носом в тихий берег. Вероятность того, что случайное событие попадёт в определённый интервал времени пропорциональна этому интервалу. Поэтому гол забивают чаще в течение тайма, чем в течение первых пяти минут. Поэтому только в середине второго тайма своей жизни Варламов увидел в Почаевской лавре, как худенькая бледная девушка с пеной, выступившей на бескровных губах, за считанные секунды разбросала тяжёлые дубовые столы, которые

потом ставили на место четыре монаха. И как тётя Тина, его дальняя родственница, перед смертью три дня лежала в коме. Ни на что не реагируя, только тяжёлое дыхание выдавало то, что она ещё жива. Но, когда в комнату зашёл священник, она вдруг сказала грубым мужским голосом: «Пусть он уйдёт!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.